

ВОСТОК — ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-86-104

EDN: OUOXGK

Научная статья / Research article

Российские банковские учреждения и торговые интересы в Персии на рубеже XIX–XX вв.

Г.Г. Корноухова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Kornoukhova-gg@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрена история возникновения в Персии сети банковских учреждений, принадлежавших соперничавшим между собой державам — Российской империи, Великобритании и Германии. Анализ документов по проекту открытия в Персии российскими предпринимателями агентств Тифлисского коммерческого банка помог выявить наличие больших рисков, которые присутствовали на персидском рынке, что удержало закавказское купечество от реализации намеченного плана. Показано, что со всеми ними пришлось столкнуться действовавшему под контролем российского правительства Учетно-судному банку Персии. Автор приходит к выводу о плодотворности работы российского банковского учреждения в Тегеране — благодаря усилиям банковского руководства к началу XX в. треть тегеранского рынка была представлена российскими товарами, в то время как традиционно этот город был закрыт для российских экспортеров. Однако выбранная банком стратегия поведения, нацеленная на соперничество с российскими предпринимателями в Персии, негативно сказывалась на состоянии российской торговли в этой стране в целом. В деле поддержки частных коммерсантов банк продемонстрировал недостаточно большую эффективность, а в годы Первой мировой войны, по объективным причинам, данная функция и вовсе сошла на нет.

Ключевые слова: банки Российской империи, колониальные банки, империализм, Средний Восток, Иран, экономическая история, внешняя торговля России, экономическая инфраструктура, российско-иранское трансграничье

© Корноухова Г.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00648 «Развитие экономической инфраструктуры российско-иранского трансграничья (вторая половина XIX — начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.09.2025; принята к публикации 10.11.2025.

Для цитирования: Корноухова Г.Г. Российские банковские учреждения и торговые интересы в Персии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 1. С. 86–104. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-86-104> EDN: OUOXGK

Russian banking institutions and trade interests in Persia at the turn of 19th — 20th centuries

Gadilya G. Kornoukhova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Kornoukhova-gg@rudn.ru

Abstract. The author examines the history of the emergence of a network of banking institutions in Persia belonging to rival powers — the Russian Empire, Great Britain, and Germany. An analysis of documents on the project to open agencies of the Tiflis Commercial Bank in Persia by Russian entrepreneurs revealed the significant risks inherent in the Persian market, which deterred Transcaucasian merchants from implementing their plan. It is shown that the Discount and Loan Bank of Persia, operating under the control of the Russian government, had to face all of these risks. The author concludes that the Russian banking institution's work in Tehran was fruitful — thanks to its efforts, by the early 20th century, a third of the Tehran market was represented by Russian goods, whereas traditionally it was closed to Russian exporters. However, the bank's chosen strategy of competing with Russian entrepreneurs in Persia negatively impacted Russian trade in that country as a whole. The bank demonstrated insufficient effectiveness in supporting private merchants, and during the First World War, for objective reasons, this function ceased to exist altogether.

Keywords: banks of the Russian Empire, colonial banks, imperialism, Middle East, Iran, economic history, Russian foreign trade, economic infrastructure, Russian-Iranian borderland

Funding. The study is supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00648 “Development of the economic infrastructure of the Russian-Iranian cross-border (second half of the 19th — early 20th century),” <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 15.09.2025; accepted 12.11.2025.

For citation: Kornoukhova GG. Banking institutions in Persia and the interests of Russian trade at the turn of the 19th — 20th centuries. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):86–104. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-86-104> EDN: OUOXGK

Введение

Обращение к банковскому кредиту в современной предпринимательской деятельности является естественной и обыденной практикой. В Российской империи банковские учреждения начали активно открываться во второй половине XIX в., что, безусловно, способствовало оживлению экономической жизни страны [1]. Постепенно кредитные организации стали возникать и в районе южного фронта (в первую десятку по кредитным операциям входили банки в Баку и Тифлисе, заметный кластер расчетов был у среднеазиатских банков) [2. С. 85, 89], тесно связанного в торговом отношении с соседним государством — Персией.

В современной историографии плодотворным изучением темы функционирования российских банков в Центральной Азии занимается узбекский исследователь Б.А. Алимджанов [3–5]. Свое внимание он уделяет в т.ч. и Русско-Азиатскому банку, имевшему отделение в Асхабаде, купечество которого вело бойкую торговлю с северо-восточной провинцией Персии — Хорасаном. Автор также указывает, что банк пытался вести торговые операции за собственный счет: в 1916 г. он экспортировал в Персию 34 вагона сахара-рафинада и 23 вагона сахарного песка, в то время как на внутреннем рынке было продано лишь 10 вагонов рафинада [6. С. 19].

Гораздо меньше внимания уделяется развитию банковской системы в Закавказье [7], хотя сам регион в экономическом отношении привлекает к себе внимание современных исследователей [8–10].

Что касается работы российских банковских учреждений на территории Персии, то эта тема получила основательное освещение уже в советский период в публикациях крупного ученого Б.В. Ананьича. Автором раскрывается роль банка в организации займов и концессионной политике царского правительства в Персии на рубеже XIX и XX в. [11; 12]. Исследование в основном посвящено рассмотрению проблемы усиления политического влияния России в соседней стране на фоне ее борьбы с Великобританией. Развитие же российско-персидской торговли имеет подчиненный характер.

В этом же ключе анализ российско-персидских отношений представила И.К. Павлова [13].

Другой подход использует С.А. Саломатина, которая рассматривает деятельность Учетно-ссудного банка Персии в экономическом аспекте, сосредоточившись на сопоставлении финансовых показателей данного учреждения с другими «имперскими банками» — Русско-Китайским и Русско-Азиатским. Исследователь приходит к выводу, что сходство Учетно-ссудного банка Персии по размерам активов со средним провинциальным акционерным банком, уступавшим многофилиальным универсальным банкам Петербурга и Москвы, несколько смягчает сложившийся его образ как «мощного оружия» в руках царизма в «экспансионистской политике» России на Среднем Востоке [14. С. 576].

Цель исследования — реконструировав историю создания и функционирования российских банковских учреждений на территории Северной Персии, определить эффективность их деятельности в развитии российско-персидской торговли на рубеже XIX–XX вв.

Условия кредитования в Персии и попытка открытия агентств Тифлисского коммерческого банка

Низкая платежеспособность персидских купцов значительно тормозила развитие российско-персидской торговли. При этом русское купечество явно проигрывало своим британским конкурентам в вопросе кредитования персидских деловых партнеров. Так, в отчете Нижегородского губернатора о ходе ярмарочной торговли в 1889 г. сообщалось, что русские фабриканты передают персам свои товары в кредит на срок от 7 до 12 месяцев под 15 % годовых, тогда как английские товары в Персии продавались на срок 24 месяца всего под 4–5 % годовых¹.

В то же время в самой Персии отсутствовали кредитные учреждения, которые помогали бы иранским предпринимателям получать финансовую поддержку. В этих условиях кредитование в Персии имело ростовщический характер. Оно осуществлялось под выдаваемые за высокие проценты залого, стоимость которых намного превышала предоставленную в займы сумму.

Продажа товара в долг осуществлялась обыкновенно под вексели (тамассук) с раскладкой уплаты на несколько сроков, составлявших в совокупности от 6 до 20 и более месяцев. Перевод денег производился при помощи переводных писем (бератов), действовавших 15, 20, 30 и более дней по предъявлении. Все переводы денежных сумм из одного места в другое совершались при посредстве частных лиц, принадлежавших исключительно к купеческому сословию.

Чрезвычайно оживленно российско-персидская торговля велась через Закавказье. Усилиями местного купечества в 1872 г. здесь открылся Тифлиссский коммерческий банк с капиталом в 2 млн руб. серебром. В информационной записке сообщалось, что значение банка заключается в том, что учредители планируют установить правильные денежные сношения с Персией и открыть агентства или конторы банка в таких персидских городах как Тавриз, Тегеран, Решт, а также в Мазендеранской провинции. Прежде чем приступить к этому учредители сделали запрос в Министерство иностранных дел Российской империи о возможности получить от персидского правительства ряд льгот, а именно: 1) избавление банка, его контор и агентств в пределах Персии от платежа всяких налогов и повинностей

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 20. Оп. 7. Д. 183. Л. 118 об.

в пользу государства и городов в течение 25 лет; 2) предоставление банку на это же время исключительной привилегии на открытие банкирских контор в городах Персии; 3) предоставление банку на тот же срок выпуска акций и облигаций промышленных и других предприятий в пределах Персии; 4) осуществление персидским правительством денежных переводов, платежей и получение наличных средств во всех европейских городах; 5) предоставление банку преимущества в случае постройки в Персии, в течение означенного срока, железных дорог².

Через некоторое время последовал ответ от трех российских дипломатических представителей: из Гиляна, Тавриза и Зергенде. Ни один из них не рекомендовал открывать банковские учреждения в запланированных для этого городах. Даже относительно такого бойкого в торговом отношении Тавриза в донесении говорилось, что «при всеобщем недостатке денег во всей Персии вряд ли возможно надеяться, чтобы банк мог делать сколько-нибудь выгодные обороты. Устройство здесь агентства или конторы потребует значительных годовых постоянных издержек и нельзя надеяться, чтобы обороты конторы покрывали их»³.

Столичный город Тегеран также характеризовался как не представлявший собой ценности с точки зрения денежных оборотов: «Торговля здесь с Европою ограничивается привозом незначительного количества товаров собственно для шаха и для его гарема. Переводы же из Европы в Персию денег, причитающихся пребывающим здесь иностранным миссиям, обыкновенно производятся через находящихся в Персии 2–3 европейских торговых дома. Как эти последние, так и миссия с трудом откажутся от этих операций, представляющих обоюдные выгоды при дисконте векселей»⁴.

Что касается остальных льгот, то из Российского Генерального консульства в Азербайджане последовали четкие ответы в порядке их упоминания в запросе. По первому пункту было написано, что «не представляется решительно никаких затруднений», поскольку на основании административной системы Персии, не только европейские, но и сами персидские коммерсанты не платили абсолютно никаких налогов и не несли никаких повинностей в пользу государства или городов.

Однако, что касается предоставления исключительных привилегий банку на открытие банкирских контор в Персии, то на это, напротив, был дан отрицательный ответ. Генеральный консул сообщил, что это «вещь невозможная», поскольку все торговые переводы и вексельные обороты производились здесь почти исключительно европейскими торговыми домами,

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 1807. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 6 об. — 7.

⁴ Там же. Л. 10.

и персидское правительство не имело возможности «принудить частных лиц прекратить свои коммерческие обороты»⁵.

Относительно выпуска облигаций было сказано, что данная операция вообще невозможна из-за отсутствия в Персии каких-либо промышленных предприятий.

По четвертому пункту поступил ответ следующего содержания: «Персидское правительство <...> с удовольствием согласилось бы производить свои денежные уплаты через посредство банка в разные места Европы, но едва ли подобного рода сделка может быть выгодна для банка». Далее следовало разъяснение, что сумма высылаемых персидским правительством денег на содержание своих дипломатических и коммерческих агентств в Европе не превышала 50 тыс. туманов. Деньги эти получались обыкновенно поверенными этих агентств с Тавризской таможни со значительными промедлениями, которых банк не будет иметь возможности допускать⁶.

В донесении Российской императорской миссии в Персии, поступившем из Зергенде, также подтверждалось, что размеры денежных оборотов Персии с Европой крайне ограничены. По поводу же передачи Тифлисскому банку железнодорожной концессии были высказаны большие сомнения⁷.

В завершении содержалась рекомендация банку «ограничиться тесным кругом деятельности, принимая на себя операции лишь вполне верные» и не распространять их на внутреннюю персидскую торговлю. Предостережение рисовало печальную перспективу в случае отказа внять совету: «...при крайней недобросовестности персиян, затрудняющей чрезвычайно все кредитные дела с туземцами, и в виду полного отсутствия судебных учреждений, могущих понудить неисправных должников к немедленной уплате, с одной стороны, банк будет терпеть значительные убытки, с другой — императорская миссия вынуждена будет непрестанно иметь с персидским правительством самые неприятные и запутанные дела...»⁸.

Таким образом, российские представители в Персии, трезво оценивая ситуацию в стране, предостерегали своих соотечественников от неоправданных рисков.

Английский Имперский банк Персии vs российское Ссудное общество Персии и Московский международный торговый банк

Попытки европейцев учредить банковское дело в Персии также не сразу увенчались успехом. Первой из них стало британское предприятие Oriental Bank, основанное в 1845 г., но просуществовавшее недолго. В 1888 г. свои

⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 1807. Л. 5

⁶ Там же. Л. 6–6 об.

⁷ Там же. Л. 8 об., 10 об.

⁸ Там же. Л. 12–12 об.

отделения в Персии открыл New Oriental Bank, который тоже через год закрылся [15. С. 118].

В 1889 г. британский концессионер Юлиус Рейтер учредил Imperial Bank of Persia (Имперский банк Персии или Шахиншахских банк Ирана). Его правление размещалось в Лондоне; в Персии же правление и главная контора находились в Тегеране, а отделения — в Тавризе, Мешхеде, Реште, Иезде, Исфагане, Ширазе и Бушире. Главная деятельность Имперского банка Персии заключалась в продаже и покупке переводов, как внутренних, так и заграничных, операции наиболее важной и необходимой для персидской торговли [15. С. 119, 123].

Между тем появление Имперского банка не покрыло потребность Персии в предоставлении коммерческого кредита местным предпринимателям.

С течением времени для российского правительства все более очевидным становилось, что тормозило развитие российско-персидских торговых отношений отсутствие в Персии сильного кредитного учреждения. Эти выводы были сделаны в т.ч. и в результате общения министра финансов И.А. Вышнеградского с персидскими купцами во время его пребывания в августе 1890 г. на Нижегородской ярмарке. Последние ходатайствовали о разрешении Бакинскому отделению Государственного банка производить выдачу ссуд кредитными билетами под залог персидских серебряных монет (кранов и туманов). Это побудило министра финансов по возвращении в Санкт-Петербург передать на обсуждение правления Государственного банка вопрос о том, «не может ли быть допущена и на каких основаниях выдача ссуд из банка, <...>, под более крупную персидскую монету (туманы)»⁹.

1870-е — 1890-е гг. было временем восхождения в предпринимательской сфере звезды братьев Поляковых. Старший из них, Яков Соломонович Поляков смог получить 21 апреля 1890 г. от персидского шаха концессию на учреждение Ссудного общества Персии, которое начало действовать в Тегеране с 1891 г.

Уставом, утвержденным персидским правительством 6 мая 1891 г., банку было предоставлено производство ссудных операций под залог всякого рода процентных бумаг, векселей, товаров и всяких других ценностей и предметов; производство аукционов и продаж по вольной цене; устройство товарных складов; учет и переучет и всякого рода операции¹⁰.

Согласно параграфу 7 концессионного договора, шахская казна получала 10 %, а учредитель или его наследники, или правопреемники — 25 % чистой прибыли. Остальные 65 % должны были выплачиваться акционерам. Кроме того, за дарованную ему монополию аукционных продаж, банк должен

⁹ РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 183. Л. 118 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 331. Л. 6–6 об.

был уплачивать по прошествии каждого операционного года 1 тыс. туманов в тегеранскую казну¹¹.

За три года своей работы банк так и не успел развить свои операции, на что было несколько причин. В отличие от английского Имперского банка Персии российское Ссудное общество Персии не имело отделений в других городах страны, из-за чего не могло заниматься переводами, а выдача ссуд под товары не была востребованной в столичном городе, поскольку из Тегерана ничего не вывозилось. К этим обстоятельствам следует прибавить большие расходы, связанные с предоставлением подарков персидским сановникам за содействие в приобретении концессии: в первые годы работы банка его основной капитал был наполовину поглощен расходами этого вида. Убытки банку принесло и падение курса серебра в 1893 г., к которому была привязана персидская валюта [15. С. 125].

В 1892 г. в Тегеране свое отделение открыл также Московский международный торговый банк, принадлежавший Лазарю Соломоновичу Полякову¹². Но коммерческих операций, несмотря на свое название, это учреждение практически не осуществляло. Его открытие было связано с необходимостью обеспечить другие персидские предприятия Полякова (Товарищество для торговли и промышленности, страховое и транспортное общество) денежными переводами. Поэтому тегеранское отделение Московского Международного торгового банка следовало считать дополнением к другим, принадлежавшим Л.С. Полякову предприятиям [15. С. 125]. Постепенно персидское направление этого банка полностью перешло в ведение государственного Учетно-ссудного банка Персии [14. С. 572].

Таким образом, работа двух российских банков не оказала никакого заметного влияния на улучшение ситуации в вопросе кредитования участников российско-персидской торговли.

Ссудный банк Персии

Вступивший 30 августа 1892 г. на пост министра финансов С.Ю. Витте распорядился «войти в соображение» по поводу командирования в Персию «особого лица» для изучения денежного рынка, дабы решить, «что безопасней всего сделать для воспособления русской торговле» и не представляется ли возможным учреждение в Персии отделения Государственного банка¹³.

К апрелю 1894 г. у С.Ю. Витте уже было ясное представление о стратегии дальнейшего поведения. В этом же году Я.С. Поляков обратился к министру финансов с предложением о приобретении Государственным банком

¹¹ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 331. Л. 8.

¹² РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 183. Л. 118 об.

¹³ Там же.

учрежденного им акционерного дела в Тегеране¹⁴. Поступившее предложение получило немедленный положительный отклик — Витте составил служебную записку о необходимости сделать это. 4 апреля 1894 г. на заседании Комитета финансов содержание записки было рассмотрено и одобрено.

В своей записке С.Ю. Витте указал на неудовлетворительные результаты российской торговли в Персии, несмотря на непосредственное соседство ее с Россией, даже «в ближайших к российским пределам северных и самых богатых провинциях Персии — Азербайджане, Гиляне, Мазендеране и Хорасане». Причин такого «ненормального положения» министр считал несколько: плохие пути сообщения, отсутствие товарных складов, дороговизна капиталов в обеих странах и, наконец, «отсутствие сильного русского кредитного учреждения»¹⁵.

С.Ю. Витте пояснял в своей записке, что имеющиеся частные акционерные предприятия, «по недостаточности средств», не могли самостоятельно переломить ситуацию, а московские торговые фирмы, обладавшие значительными средствами, уклонялись «от собрания капитала, необходимого для учреждения в Персии сильного русского банка». Наконец, Государственный банк не мог открыть в Тегеране своего отделения «без возбуждения политических затруднений». Поэтому самым лучшим способом образовать в Персии кредитное учреждение с большими средствами, «достаточно могущественное для служения развитию русской торговли в Персии и укреплению за Россией подобающего ей преобладания», с точки зрения С.Ю. Витте, было приобретение Государственным банком ссудного общества Я.С. Полякова к этому времени получившего название «Ссудный банк Персии»¹⁶.

Говоря о задачах банка министр финансов настаивал, что основным должно было быть содействие российской торговле в Персии и сбыту туда «русских фабрикатов». Для этого банку надлежало облегчить переводы из России в Персию и обратно, производить учет векселей российских торговцев и выдавать ссуды под отечественные товары, ввозившихся в Персию.

Развив свои операции в Тегеране, банк в дальнейшем должен был открыть отделение в Тавризе и в Мешехе и таким образом «содействовать упрочению русского торгового преобладания во всей северной Персии и вытеснению отсюда английских произведений»¹⁷.

Предложение С.Ю. Витте члены Комитета финансов поддержали, и 1 мая 1894 г. Государственный банк уже вступил в управление Ссудным банком Персии [12. С. 17].

Позиции российской торговли в Тегеране к этому времени были очень слабыми. Еще 1880-е гг. ситуацию в пользу России собственными силами

¹⁴ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 331. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 2 об., 3 об.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 9.

попытался изменить российский текстильный производитель Н.Н. Коншин. В 1884 г. он открыл там свой склад и приступил к заводу хлопчатобумажных тканей, которые продавались по образцам или наличным товаром. Однако торговля не приносила прибыли, и в 1890 г. ее пришлось свернуть [16]. С тех пор картина на тегеранском рынке мало поменялась, и появление там такого сильного игрока, как Учетно-ссудный банк Персии, должно было переломить ситуацию в пользу России. Действительно, показатели 1901 г. свидетельствуют о серьезном увеличении объема ввозимых в Тегеран российских товаров Ссудным банком Персии. Так, если в 1900 г. им было выписано товаров на сумму 74 024 руб., то в 1901 г. (с 1 мая по 15 декабря) уже на сумму 1 183 140 руб. Основной род товаров составляли мануфактура (725 680 руб.) и сахар (243 600)¹⁸. Банк закупал товары у российских производителей и транспортировал их в Тегеран — город, который традиционно не пользовался вниманием у российских предпринимателей и где господствующие позиции оставались у англичан.

За счет усилий банка российские товары стали поступать на тегеранский рынок и получать свою реализацию. Фамилии конкретных российских производителей и вид тканей, приобретавшихся у них ссудным банком Персии, приведены в таблице.

Данные по товарным операциям Тегеранского отделения Ссудного банка Персии за период с 1 мая по 15 декабря 1901 г.

Производители и вид товаров	Число кип	Средняя стоимость кип, руб.	Всего, руб.
Людвиг Рабенек (красный ситец)	2383	130	309 790
Бр. Баранович (красный ситец)	476	130	61 750
Савва Морозов (гл. образ. полубархат)	720	300	216 000
Захар Морозов (гл. образ. полубархат)	442	145	64 090
Бр. Щербаковы (шведская материя)	273	140	38 220
Гюбнер (ситец)	68	130	8 840
Коншин (ситец)	9	130	1 170
Серебряников (ситец)	69	110	7 690
Гандурин (ситец)	22	110	2 420
Петров (солдатское сукно)	10	220	2 200
Михайлов (шерстяные товары)	4	250	1 000
Белов (шерстяные товары)	1	250	250
Деревщиков, Сапожников, Бр. Брашнины, Кусков	206	60	12 360
Всего кип	4476	—	725 680
Всего кусков	206		

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 15 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 15.

Закупая экспортные товары у российских производителей, Ссудные банк Персии делал многочисленные встречные шаги в их сторону: полностью выплачивал всю стоимость товара уже при заказе, безвозмездно хранил товары на своих складах, и, кроме того, финансировал дело, учитывая вексели персидских купцов, выписывавших российские товары, используя пониженный процент (8–10 вместо обычных 12 %)¹⁹.

Несмотря на все приложенные усилия процесс завоевания тегеранского рынка продвигался довольно медленно. Количество российских тканей, продававшихся в городе к 1902 г., составляло только 1/3 всех тканей на столичном рынке Персии. Остальные две трети по-прежнему составляли английские текстильные изделия. Российское же сукно и шерстяные ткани совершенно не имели сбыта, а господствующие позиции в этом рыночном секторе занимали австрийские производители²⁰.

Контролер Ссудного банка Персии А.С. Остроградский изложил свое видение причин недостаточного успеха российской торговли тканями в Тегеране товарищу министра финансов В.И. Ковалевскому в своей докладной записке от 27 ноября 1902 г.

Первая причина кажется весьма странной — высокое качество российских тканей, значительно превосходивших в этом английские аналоги. Но это достоинство российского товара нивелировалось более высокой ценой на него. Особенность же персидского рынка заключалась в том, что покупатели основное внимание обращали как раз не на качество, а на дешевизну. А.С. Остроградский указывал на случаи, когда купец отказывался от товара вдвое лучше по добротности полотна, по красоте рисунка, крепости красок в силу существовавшей разницы в 1–2 коп. за аршин.

Во-вторых, по наблюдению контролера Ссудного банка Персии, московские фирмы делали слишком незначительную разницу между оптовым покупателем, забиравшим 500–1000 кип, и мелким, покупавшим 5–10 кип. Ссудный банк, оплачивавший наличными наперед всю сумму заказа, был поставлен в менее благоприятные условия, чем мелкий персидский комиссионер, бравший прямо со склада из Москвы несколько кип. Ссудный банк получал обычную оптовую скидку, а комиссионер кроме нее выговаривал себе 1 % комиссии и расплату за товар по наложенному платежу со сроком в 6–8 месяцев без начисления процентов, что в общем составляло 3–4 % разницы между ценой Ссудного банка и комиссионера.

А.С. Остроградский при этом подчеркивал, что английские фабриканты никогда не продавали свой товар непосредственно купцу и на изделиях, предназначенных для «экзотических рынков», даже не ставили своего клейма, предоставляя это право комиссионеру, забиравшему у него определенную

¹⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 15 об.

²⁰ Там же. Л. 16.

партию. Таким образом, купец не мог обратиться непосредственно на фабрику, а обязательно действовал через ее представителя в Персии, «который сидя на месте» легко мог «регулировать количество и время выпуска на рынок партии товара, а равно и устанавливать цену соответственно местным условиям»²¹.

С российским же товаром подобного урегулирования совершать было нельзя. Каждый мелочный торговец мог обратиться к С.Т. Морозову, купцам Щербаковым и др. и получить нужную ему кипу товара подчас на более выгодных условиях, чем оптовик, рассчитывавший на этого мелочного купца, как на покупателя²².

В своей докладной записке А.С. Остроградский резюмировал, что для развития российского экспорта в Тегеране необходимо было направлять самые дешевые по стоимости хлопчатобумажные ткани, а для экспорта шерстяных тканей привлечь производителей из Лодзи, поскольку Москва не вырабатывала конкурентноспособный товар данной категории. Также Ссудному банку Персии российские производители должны были предоставлять дополнительные льготные условия и прекратить мелкие продажи из московских складов персидским коммерсантам²³.

Учетно-ссудный банк Персии

В 1902 г. Ссудный банк Персии стал называться Учетно-ссудный банк Персии, а в 1903 г. перешел в собственность казны с возмещением Госбанку из государственного казначейства сумм, затраченных самим банком на приобретение предприятия от учредителей и на производство по акциям дополнительного взноса в сумме 1 млн франков²⁴.

Начав свою деятельность в Тегеране в дальнейшем банк открыл свои отделения и агентства в Реште, Тавризе, Мешедде, Энзели, Казвине, Себзеваре, Урмии, Хамадане, Мешедессере, Сеистане, Кучане, Барфруше, Сари, Ашрафе, Астрабаде, Бендер-Гязе, Исфагане, Куме, Наине, Иезде, Кермане, Кашане, Султанабаде. В России он имел свои учреждения в Москве, Баку, Асхабаде и Джульфе²⁵.

Видимо, решив следовать заданному курсу, изложенному в докладной записке А.С. Остроградского, и позиционируя себя посредником между российскими производителями и персидскими коммерсантами, Учетно-ссудный банк приступил к методичной зачистке рыночного пространства

²¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 16–16 об.

²² Там же. Л. 16 об.

²³ Там же.

²⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4546. Л. 4.

²⁵ Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 341. Оп. 1. Д. 341. Л. 249.

от российского купечества, решившегося самостоятельно представлять свой товар в Тегеране. Так произошло с группой крупных предпринимателей — товариществами Эмиль Циндель, В. Морозова с С-ми, Барановых и В.Е. и А. Ясюнинских²⁶. Еще в 1901 г. совместными усилиями они открыли в городе торговые склады, но вынуждены были закрыть их в 1903 г. под давлением банка, который лишил эти торговые предприятия возможности пользоваться льготным кредитом и даже распространил среди персидского купечества слухи об их якобы несостоятельности [11. С. 286].

Министр финансов С.Ю. Витте был крайне недоволен таким поведением Учетно-ссудного банка Персии и распорядился «строго» разъяснить агенту Министерства финансов в Персии Э.К. Грубе действительные задачи банка [11. С. 287].

Однако, характер торговой деятельности банка не поменялся и в дальнейшем. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры вынужденно ликвидировало свои дела в Исфагане в виду того, что банк с середины 1905 г. открыл там свой склад²⁷.

В 1907 г. открылись корреспондентские учреждения в Барфруше и Бндер-Гязи в Астрабадской провинции. Здесь под прицел Учетно-ссудного банка Персии попали уже армянские фирмы — традиционные дистрибьюторы российских товаров в Персии. За многие годы своей коммерческой деятельности в стране они монополизировали всю торговлю и банковские операции Мазендерана и Астрабада с Шахрудом, поэтому справиться с ними оказалось нелегким делом. Согласно донесению управляющего российским императорским консульством в Астрабаде Б. Долгополова, по прошествии года банк «провалился самым печальным образом». После объявления об открытии гязского отделения банка никто не принес денег для вклада и не оказалось желающих получить ссуду: «Банк ежедневно открывался, аккуратно лежали в тепле под кошмами краны, и персонал служащих получал <...> жалование и ждал... Дел не было никаких. <...>. Корреспондентство всю зиму продержало под войлоками сумму в 50 тыс. кран, не пустив их в оборот»²⁸.

Происходило это вследствие весьма низкого процента по вкладам — 4 %, в то время как армянские фирмы Карапетянца, Туманянца и Насибьянца предлагали по 10–12 %. А под хлопок они не только выдавали ссуды, но и сами покупали его, за год и более вперед выдавая деньги крестьянам, занимавшимся его выращиванием. В их руках также находились вывоз ячменя, риса, экспорт рыбы, сушеных фруктов, кунжута, козлиных и свиных кож, свежих плодов, шелка-сырца, коконов, шерсти и др. Ввоз керосина, нефти,

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 341. Оп. 1. Д. 185. Л. 4.

²⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 83.

²⁸ АВПРИ. Ф.144. Оп. 488. Д. 4020. Л. 294, 295.

железных и стальных изделий, мануфактуры, галантереи, сахара, чая, консервов и т.п. также производилось при деятельном участии и преобладании армянских предпринимателей²⁹.

Узкие же рамки операций российского корреспондентского учреждения не позволяли ему конкурировать с армянами, прекрасно изучившими местные рынки и сосредоточившими в своих руках торговлю.

Управляющий Астрабадским консульством Б. Долгополов с горечью писал: «Постоянное бездействие отделений, их убыточность и неудачи вряд ли в интересах Учетно-ссудного банка. В теперешнем своем положении они сильно подрывают его репутацию и несомненно вредят всему русскому делу, поселая сомнение в нашей энергии и предприимчивости среди и без того недоверчиво к нам относящихся подозрительных персиян»³⁰.

Следует при этом добавить, что общая экономическая ситуация как в России, так и в Персии, в начале XX в. сильно осложнилась: Русско-японская война и Первая русская революция дестабилизировали экономическую ситуацию в России; начавшиеся военно-политические события в Персии также с 1905 г. пагубно отражались на коммерческой жизни страны. В этих условиях товары сбывались Учетно-ссудным банком Персии очень тяжело: на складах сохранялся большой неиспользованный запас тканей, отчасти уже вышедших из моды, а с другой стороны — российские комиссионеры задолжали банку значительные суммы и с трудом их возвращали³¹.

На этом фоне свое проникновение на персидский рынок активизировала Германия. 11 июля 1907 г. персидский меджлис утвердил текст Немецкой банковской конвенции. Согласно ей, Германский банк с капиталом не менее 1 млн туманов и правлением в Тегеране должен был открыться не позднее трех лет со дня подписания соглашения. Банк обязывался производить заграничные платежи без начисления комиссионных и со взиманием не более 10 % за таковые операции³².

Параллельно Германия стала проводить в Персии энергичные меры с целью улучшения сбыта продукции своей промышленности: при консульствах учредили должности «сведущих по торговле лиц», задача которых заключалась во всестороннем изучении рынка и оказании содействия реализации немецких товаров; в Тавризе и Тегеране открывали вместительные склады для хранения образцов и самих товаров, «начиная с иголки и кончая автомобилем»³³.

К 1908 г. российское правительство стало настолько тревожно воспринимать ситуацию, что 19 и 23 июня состоялось Особое

²⁹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4020. Л. 295 об. — 296.

³⁰ Там же. Л. 296.

³¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 20.

³² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4489. Л. 348–349.

³³ ЦГА Москвы. Ф. 341. Оп. 1. Д. 185. Л. 2.

междуведомственное совещание при Министерстве торговли и промышленности по вопросу «о главных основаниях коммерческой деятельности Учетно-ссудного банка Персии». На заседании было озвучено, что «в настоящее время банк не располагает свободными ресурсами» и нуждается в пересмотре своей прежней политики³⁴.

Присутствовавший на заседаниях товарищ управляющего Государственным банком А.В. Коншин предложил Учетно-ссудному банку Персии обратиться помимо экспортных, также и к операциям по импортированию персидских товаров в Россию. Он заявил об односторонности предшествующей коммерческой деятельности банка — содействии вывозу в Персию российской продукции при полном игнорировании вывоза в Россию персидских товаров, — приведшей к отрицательным последствиям. С одной стороны, банк вынужден был нести значительные убытки, так как под влиянием неблагоприятных политических условий русские товары сбывались туго, значительный запас их остался за банком и комиссионеры и торговцы, распространявшие эти товары по стране, задолжали банку внушительные суммы. С другой стороны, банк получал в свое распоряжение только краны, не имея рублей. А краны между тем представляли собой валюту с весьма колеблющимся и неустойчивым курсом³⁵.

Доводы А.В. Коншина нашли понимание среди собравшихся, и Совещание пришло к выводу о необходимости разрешить банку совершать операции, связанные с отправкой в Россию персидских грузов. Было отмечено также, что помимо экономической выгоды, это повысит одновременно политическое влияние банка, «так как он приобретет симпатии местного населения, без которых деятельность иностранного кредитного учреждения <...> будет поставлена в крайне тяжелые условия»³⁶.

Расширение торговой деятельности банка в связи с началом ввоза персидских товаров в Россию не решило всех его проблем, в частности, одну из самых больших среди них — неплатежи со стороны частных лиц. Причем речь шла о вполне состоятельных иранцах, стоимость имущества которых могла покрыть их задолженности по займам³⁷. Иными словами, недобросовестность персидских клиентов обуславливалась не столько безденежьем, сколько их нежеланием расплачиваться по долгам. Выяснив это обстоятельство, банк приступил к передаче векселей и прочих документов в Императорскую российскую миссию в Тегеране. Ее представители через персидского чиновника (каргузара) стали требовать с должников уплаты обязательствам. Но и эти меры не приводили

³⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 21.

³⁵ Там же. Л. 22 об.

³⁶ Там же. Л. 24.

³⁷ АВПРИ. Ф.144. Оп. 488. Д. 4021. Л. 100.

к желаемым результатам, так как либо сами российские дипломаты действовали неэнергично, либо иски оставались без движения у персидских чиновников, откладываявших под разными предлогами разбор дела на неопределенное время³⁸.

23 мая 1909 г. министр финансов В.Н. Коковцов писал по этому поводу министру иностранных дел А.П. Извольскому: «Такое ненормальное положение, продолжающееся в течение трехлетнего периода, вселяя и прочим клиентам банка уверенность в возможности неисполнения данных ими обязательств, грозит банку серьезным материальным ущербом и не дает ему уверенности в успешности и планомерности его работы в будущем, лишая его в то же время в глазах персов всякого уважения, столь необходимого в восточных странах»³⁹.

Находя ситуацию критической, В.Н. Коковцов призывал А.П. Извольского использовать имевшиеся у него возможности для «указания представителям императорского правительства в Персии» на необходимость принять действительные меры к взысканию долгов по искам банка, направлявшимся в миссию и консульства⁴⁰.

Однако, документы за 1913 г. свидетельствуют о сохранении указанной проблемы в прежнем состоянии. В своем обращении к новому министру иностранных дел С.Д. Сазонову В.Н. Коковцов сообщал еще об одном факторе, препятствовавшем успешному разрешению вопроса. Это была недостаточная квалификация младших чинов Генерального российского консульства в Тегеране. Именно они должны были защищать права Учетно-ссудного банка Персии в местных судебных учреждениях, но не обладали необходимыми юридическими познаниями и не знали местных законов и обычаев. Они не имели достаточного авторитета и легко поддавались влиянию местных советников консульства из числа иранцев, например, купеческого старшины (таджир-баши) и его помощников. Последние же являлись для сотрудников консульства единственными консультантами по местному праву, и потому решение дел при их участии зависело не столько от юридической обоснованности претензии, сколько от выступлений иранских сотрудников консульства. В результате присутствие на суде российского представителя сводилось к его молчаливому согласию, что с точки зрения В.Н. Коковцова лишь роняло престиж России⁴¹.

Убедившись в бесполезности обращения в суд, банк в 1912 г. начал использовать персидскую практику «выколачивания долгов» — направлять к должнику специальных людей — феррашей, которые, неотступно следуя за должниками по пятам, требовали от них платежа по обязательствам. Этот

³⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4021. Л. 114–114 об.

³⁹ Там же. Л. 114 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4022. Л. 700–700 об.

прием, примененный однажды с полным успехом Императорской миссией по отношению к персидскому министру иностранных дел для того, чтобы добиться уплаты жалования бывшему шаху, оказался очень действенным, и клиенты начали являться в банк для расчета. Однако миссия неожиданно потребовала прекращения посылки феррашей, и дело взыскания долгов вернулось в прежнее безнадежное положение⁴².

С началом Первой мировой войны Учетно-ссудный банк Персии оказался в еще более сложной ситуации. Из-за стремительного сокращения обращения серебряных монет внутри страны и панического изъятия денег вкладчиками российский банк начал испытывать недостаток в персидской денежной единице — кранах. По состоянию на март 1915 г. в распоряжении банка имелись наличные средства в количестве лишь 1 млн 10,5 тыс. кранов, в то время как для покрытия текущих счетов ему необходима была сумма равная 7 млн 366,5 тыс. кранов⁴³.

Крановый голод негативным образом сказывался на состоянии российско-персидской торговли. Предприниматели нуждались в персидской звонкой монете для закупки товаров, экспортировавшихся в Россию, и обращались для ее получения в отделения Учетно-ссудного банка Персии, но получали отказ. Так, московская фирма «Стукен», занимавшаяся скупкой шерсти в Хорасане, неоднократно обращаясь к банку с просьбой о размене рублей и в результате заявила, что прекращает свои закупочные операции в Персии. Владелец крупно предприятия Торговый дом «Бр. Арзумановы» также настоятельно просил продать ему краны на несколько сотен тысяч рублей, предлагая уплатить банку золотом в металле, но правление вынуждено было ему отказать за недостатком персидской валюты. Неоднократно обращалась в правление с просьбой о кранах российская рыбопромышленная фирма Лианозовых для расчетов с персидскими рабочими. В сложившихся тяжелых финансовых условиях правление банка не смогло ответить иначе как отказом⁴⁴.

Финансовые проблемы охватили также и главного конкурента русского банка — Имперский банк Персии. 15 апреля 1915 г. английский банк прекратил размен банкнот на серебро, а британский посол в Петрограде обратился к российскому правительству за помощью. Поддержка «конкурирующей фирме» была оказана — Имперский банк Персии получил из запасов русского правительства около 840 пуд. серебра. Это дало в распоряжение английского банка монеты на сумму свыше 3 млн кран⁴⁵, что тоже, конечно, не могло серьезно стабилизировать финансовую ситуацию Имперского банка Персии.

⁴² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4022. Л. 701 об., Л. 702.

⁴³ Там же. Л. 735.

⁴⁴ Там же. Л. 747–747 об.

⁴⁵ Там же. Д. 4022. Л. 748 об.

Заключение

Практические полное отсутствие банковских учреждений и коммерческого кредита в Персии являлись сильным тормозящим фактором в развитии российско-персидских торговых отношений во второй половине XIX в. Наличие незанятой рыночной ниши подталкивало российских предпринимателей к тому, чтобы открыть в этой стране агентства Тифлисского коммерческого банка. Однако осознание чрезвычайно высокого уровня рисков остановило их. Банковские учреждения братьев Поляковых не проявляли должной активности в развитии банковских операций. В этих условиях нагрузку на себя взяло российское правительство, выкупив у Я.С. Полякова открытое им предприятие, в дальнейшем действовавшее под названием «Учетно-ссудный банк Персии».

Безусловной заслугой банка стало усиление торгового присутствия России в таком, ранее закрытом для российских товаров, городе как Тегеран. Спорными были методы, с помощью которых банк добивался своего монопольного положения в этом и других персидских городах, выдавливая оттуда частных российских предпринимателей. В непростых условиях персидского рынка, при наличии сильных конкурентов в лице британских коммерсантов и Имперского банка Персии, а также начавшей свое методичное вторжение в пределы Персии Германии, тоже открывшей свое банковское учреждение, Учетно-ссудному банку Персии и российскому купечеству, безусловно, следовало объединить усилия в общем деле. Однако банк выбрал другую стратегию поведения.

Рассмотренные материалы показали большую уязвимость Учетно-ссудного банка Персии, наличие многочисленных проблем, которые необходимо было решать на протяжении всей его работы и недостаточную эффективность в деле поддержки частных коммерсантов. В период Первой мировой войны финансовое положение банка еще более ухудшилось и его помощь российским предпринимателям сократилась до такой степени, что даже крупным фирмам пришлось покинуть персидский рынок. Однако в этих тяжелых условиях оказался и главный соперник российского учреждения — английский Имперский банк Персии.

Список литературы

1. Петров Ю.А. Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX — начале XX века // Экономическая история. 2010. № 3 (10). С. 25–33. EDN: NHTRAN
2. Саломатина С.А. Региональные финансовые центры Российской империи во второй половине XIX — начале XX века // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 82–92. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-82-92](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-82-92) EDN: UTDFUX
3. Алимджанов Б.А. История деятельности Бухарского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 2. С. 597–613. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.216597> EDN: QKWLAN

4. *Алимджанов Б.А., Чориев Ш.Х.* Служащие среднеазиатских филиалов Волжско-Камского коммерческого банка: биографии и деятельность на рубеже XIX — начала XX в. в контексте имперской периферии // *Вестник архивиста*. 2021. № 2. С. 450–468. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-450-468> EDN: VOSBJQ
5. *Алимджанов Б.А.* Деятельность Ашхабадского отделения Государственного банка в первой половине XX в.: основные операции, клиенты и персонал // *Новый исторический вестник*. 2025. № 1 (83). С. 76–92. <https://doi.org/10.54770/20729286-2025-1-76> EDN: LBGDA
6. *Алимджанов Б.А.* Активные операции Ашхабадского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка (1905–1917) // *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность*. 2021. Т. 6. № 3. С. 15–21. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2021-6-3-15-21> EDN: LUNWCR
7. *Исмаилова А.М.* Банки и банковские учреждения Закавказского края (последняя треть XIX — начало XX века) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 24 (379). С. 50–54. EDN: VJLTWR
8. *Павлина Т.В.* «По тарифу астраханскому»: применение Российской системы таможенного обложения в Закавказье в начале XIX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2021. № 4 (69). С. 9–16. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-69-4-009-016> EDN: RNSOWO
9. *Плиева З.Т., Туаева Б.В., Канукова З.В., Калирад А.* Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2022. Т. 21. № 4. С. 568–580. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580> EDN: CUOVIK
10. *Колпаков П.А.* Развитие дорожной инфраструктуры Закавказья во второй половине XIX — начале XX века // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2025. Т. 24. № 3. С. 389–401. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-389-401> EDN: OXCPIT
11. *Ананьич Б.В.* Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // *Монополии и иностранный капитал в России : сб. статей. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, Ленингр. отд-ние, 1962. Вып. 4. С. 274–314. EDN: EZUMLL*
12. *Ананьич Б.В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (по материалам Учетно-ссудного банка Персии) : монография. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 211 с. EDN: YUONXS
13. *Павлова И.К.* Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2017. Т. 22. № 2. С. 47–60. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.5> EDN: YRJZDL
14. *Саломатина С.А.* Российские и советские банки в странах Среднего и Дальнего Востока, 1890–1920-е гг.: трансформация имперских традиций // *Экономическая история : ежегодник*. 2014. Т. 2013. С. 568–624. EDN: YJCECN
15. *Томара М.Л.* Экономическое положение Персии: отчет командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб. : Типография В. Киришбаума, 1896. 172 с.
16. *Корноухова Г.Г.* Торговая деятельность Н.Н. Коншина в Персии во второй половине 1880-х гг. // *Вестник архивиста*. 2021. № 3. С. 791–802. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-3-791-802> EDN: ZBTHQP

Информация об авторе:

Корноухова Гадия Гизатуллаевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры истории России, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: kornoukhova-gg@rudn.ru ORCID: 0000-0002-7553-1856. SPIN-код: 1256-9117.